



DOI: 10.22250/2072-8662.2018.4.55-61

Глаголев В.С.

Христианство как культурообразующий фактор евразийской цивилизации

Аннотация. В статье раскрывается значение христианской проповеди и следования вероучению этой религии в освоении в концентрированной форме основных понятий иудаизма и существующих на его основе констант христианского вероучения. Прежде всего, определение человека как творения божьего, получившего от этой высшей силы свою душу и разумную способность располагать своими возможностями. Евразийская цивилизация с своих географических границах включает христианство, ислам, буддизм, ряд национальных религий и множество новых религиозных движений. Колонизаторские усилия католической церкви на территории Китая, а также католические миссии на территориях, не входивших в европейские колонии, привели к ряду синкретических процессов, в которых католическая идеология и догматика причудливо сочетались с культовой практикой, вобравшей в себя местные музыкальные традиции и элементы живописной культуры. Гетерогенность возникавших образований определило периферийное положение католицизма и протестантизма на азиатском континенте. Напротив, православные миссии, сопровождавшие освоение российского Севера, Сибири, Дальнего Востока и некоторых сопредельных территорий в Монголии, Корею, Китае сохраняли устойчивые связи с государственными и церковными структурами России.



Ключевые слова: Евразийская цивилизация, колонизация, освоение территорий, католическая церковь, православная церковь, протестантизм

Vladimir S. Glagolev

Christianity as a Culture Forming Factor of Eurasian Civilization

Abstract. The article elaborates on significance of Christian message and conformity with doctrines of Christianity for concentrated absorption of basic Judaism conceptions and based on it Christian faith constants. First of all it's a definition of a human being as a God's creature having obtained from this divine force its soul and a rational ability to dispose of its capabilities. Eurasian Civilization in its geographical borders includes Christianity, Islam, Buddhism several national religions and many modern religious denominations. Catholic church colonizing activities in China as well as efforts of catholic missions on territories outside European colonies resulted in a variety of syncretical phenomena where catholic ideology and dogmatics made a weird mixture with ritual practice incorporating local musical traditions and pictorial art elements. Emerging structures heterogeneity determined peripheral status of Catholicism and Protestantism on the continent of Asia. In contrast, Orthodox missions accompanying exploration of Russian North, Siberia, the Far East and some adjacent Mongolian, Korean and Chinese territories maintained stable relations with Russian governmental and church structures.

Key words: Eurasian Civilization, colonizing activities, territories exploration, Catholic Church, Orthodox Church, Protestantism

Глаголев Владимир Сергеевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии МГИМО МИД России; 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76; silvari@mail.ru

Vladimir S. Glagolev – Doctor of Science (Philosophy), Professor at the Philosophy Department, MGIMO-University under the Ministry of Foreign Affairs of Russia; 76 Vernadskogo pr., Moscow, Russia, 119454; silvari@mail.ru

Концепт «Евразия» вызывает сегодня пристальный интерес российских [Лагутина, 2016, 17–25; Дружинин, 2017, 5–12] и зарубежных [Gleason, 2010, 26–32; Hann, 2016; Hoffmann, 2010, 119–126; Smith, 2017] учёных. При этом религиозная специфика региона [Murray, 2016, 1–14] связывается с вопросом о прочности позиций России [Tsygankov, 2012, 1–9]. В свою очередь, тезис о христианстве как о культуuroобразующем факторе политического пространства выделяет основополагающее значение появления и воспроизводства этой религии на гигантских просторах евразийского континента. Вместе с тем, следует подчеркнуть неоднозначность христианского присутствия в на континенте, по своим географическим масштабам и культурной неоднородности превосходящем всякое воображение.

Предлагаемый ракурс рассмотрения культуuroобразующих процессов в связи с социальными и политическими [Яблоков, 2016, 103–111] побуждает к дискуссиям защитников других религиозных систем, имеющих исторически обусловленные поля социокультурной и нравственно-религиозной деятельности. Эти поля складывались как на фоне взаимодействия иных конфессий с христианством [Арзуманов, 2017, 43–55; Бернюкевич, 2017, 47–53; Бернюкевич, 2016, 56–61; Фомина, 2018, 105–113], так и отсутствия его приверженцев в тех или иных ареалах доминирования нехристианских религиозных систем.

Для понимания социально-религиозных процессов на евразийском пространстве обязательным является расширение его ареала от «постсоветского» и «центральноазиатского» (что нередко имеет место в современной научной литературе) до включения в него Палестины и Византии. В том числе потому, что формирование и распространение христианства на территории Евразии неотделимо от историко-культурных влияний иудаизма и имперской идеи. Не будем останавливаться на истории европейских государств, поскольку иудео-христианские корни культуры Западной Европы очевидны. Наличие еврейских общин в Киевской Руси и статус иудаизма как государственной религии в Хазарии определили сложность и неоднозначность отношений между иудаизмом и христианством в Киевской Руси. Выбор равноапостольным князем Владимиром восточного христианства как религии евразийского типа несомненно опирался на понимание комплексного характера данных взаимодействий.

Транслируя в ветхозаветной традиции идеи религиозного сознания [Яблоков, 2018, 46–55], христианство также усвоило интенции, направленные на поддержание религиозного единства «избранного» народа как основы государственности. Государственный и этнонациональный теоцентризм иудаизма перевоплотился здесь в утверждение, что для Бога одинаково значимы все народы Римской империи, а в последующих (расширительных) толкованиях – все народы, населяющие землю и являющиеся божьим творением. Обращаясь к ним, как к братьям во Христе, христианство получало поистине глобальное признание и активизировало процессы коммуникации, пробуждающие в каждом из народов скрытые в нем творческие силы [Силантьева, 2016, 49–55].

Переводы – вначале основных молитв, а затем и книг Библии, на языки народов, к которым обращались христианские миссионеры, – составляли важнейший аспект их деятельности и были предпосылкой постепенного приобщения их к достижениям христианской цивилизации. В христианской религии присутствовала, если пользоваться образом М.В. Ломоносова, «осердеченная мысль». Тем самым проповедь христианства преодолевала ту ограниченность, которую всегда несет в себе сугубо рациональное прочтение религии. Знание для посвященных существовало, конечно, в практике христианского монашества. Но в проповеди, обращённой к обычным людям, христианство в достаточно простых словах, сравнениях и образах проповедовало нравственную ценность жизни и призвания человека, побуждаемого самим Богом творить добро. Такая «демократичность» имела широкий резонанс среди христианизируемого населения. Она позволяла «переформатировать» сложившиеся практики дохристианских верований, включая их в более целостную систему религиозных ценностей.

Энтузиазм и трагедии крестовых походов – особая страница в истории восточного средиземноморья как части Евразии. Их основные события развёртывались

на побережье восточной части Средиземного моря и на островах этого региона. Прозелитизм и энтузиазм воителей под знаменем Христа достаточно быстро получил отпор молодого Арабского халифата и принёс ему уверенность в своей превосходстве над «неверными» [Брюн, 2015]. В дальнейшем сохранение очагов христианской культуры в Малой Азии и на территории Закавказья стало возможным в условиях мусульманского окружения лишь путем отказа от собственной государственности христианских территорий и демонстрации христианским населением лояльного отношения к мусульманским правителям. Параллельно практиковался двойной налог, собираемый с немусульман. Османская империя ввела «налог кровью», который, понятно, от поколения к поколению питал чувства непримиримости к исламским завоевателям. Поддержка христиан-единоверцев Россией стала эффективной лишь во второй половине 18 – начале 19 вв.

Утверждение монгольской империи на гигантских просторах Евразии встретило, как известно, отчаянное сопротивление князей Северо-Восточной и Киевской Руси. Они сражались, не только защищая свои владения, имущество и семьи, но и сознавая необходимость выполнения воинского долга в борьбе с «неверными». Хотя монголо-татары ещё не приняли в массе своей ислам в качестве духовного знамени кочевников и их государства. В дальнейшем развернулась долговременная и сложная политика сохранения и взращивания национального самосознания путем дипломатических усилий Александра Невского и Московских князей. Вынужденные искать способы сосуществования с завоевателями, они опытным путем, методом проб и ошибок, осваивали приемы дипломатии захватчиков, применяли в свою очередь собственные «обманки» и отговорки, соглашались на конвенциональное сотрудничество, чтобы сохранять возможности созревания и укрепления собственной власти. И в конце концов, воспользовавшись ослаблением наследников Чингисхана, враждовавших между собой, отказались платить им дань; а затем, при Иване Грозном в 1552 и 1556 гг., присоединили к Московскому царству земли Казанского и Астраханского ханств. Благодаря более чем трем векам вынужденных тесных отношений, противоположных как правило интересам захватчиков и тех, кто стремился их сбросить, тюркские языки оставили след в языке и культуре населения, находившегося на территории Киевской и Северо-Восточной Руси. Этот след очевиден в лексике русского языка, множестве этнографических деталей и обычаев.

Продвижение христианства на северо-восток в конце 14 в. трудами Стефана Пермского и его преемников могло быть успешным только благодаря достаточно уверенной ориентации в особенностях психологии и культуры местного населения. Подвиги Ермака Тимофеевича и последовавших походов русских казаков и стрельцов за Урал, по пространствам Западной, а затем и Восточной Сибири, создавал условия для этнически смешанных браков, знания местных языков и традиций. В отличие от португальских и голландских миссий на территории Индии, Китая, Японии, движение России на Восток сочетало создание опорных пунктов на восточных рубежах России и поддержание их военной, экономической и церковно-организационной связи с Московским центром. Между тем, жизнь колоний и факторий европейцев на упомянутых землях Азии поддерживалась морскими путями, включавшими множество случайностей, превратностей и испытаний. Успехи «внутренней колонизации» [Эткнд, 2016] уже к концу 17 в. привели к заключению Нерчинского и других договоров с китайским правительством, обозначившими демаркацию зон интересов соседей и способствовавших относительно устойчивому размежеванию интересов двух государств.

Утверждение канонического присутствия Русской Православной Церкви на новых территориях сопровождалось продвижением русской культуры в ее православно-богослужебном содержании, а также в светских аспектах, включая и новые технологии военного и горного дела, строительства, охоты и ряда приёмов хозяйства, создавая стабильную основу долгосрочной ценностной матрицы [Силантьева, 2008, 84–88].

Нельзя не упомянуть старообрядческого вектора утверждения отечественной культуры на восточных землях России. Старообрядцы, уходя от царских войск и священников-никониан, были вынуждены сосуществовать с коренным населением

множества уральских, сибирских и дальневосточных регионов, принося с собой русский язык, верность убеждениям и своему религиозному долгу. Их духовные подвиги в малообжитых краях не могли не вызывать уважения сосуществовавшего с ними местного населения.

После Крымской войны у России нашлись силы и возможности расширить свое присутствие в дальневосточном регионе. Как известно, религиозным спутником Н.Н. Муравьева-Амурского был будущий митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Попов-Вениаминов), получивший еще при Николае I звание «Апостола Америки» за свою подвижническую деятельность в православных приходах Русской Америки [Глаголев, 1999, 36–40].

Трудности тысячекilометровых путешествий не были непреодолимым препятствием для доставки представителями дворянской культуры музыкальных инструментов и целых библиотек к местам отбывания каторги, а затем жизни на поселениях участников декабристского движения. Их просветительская деятельность среди местного населения служила одним из вдохновляющих примеров приобщения к новинкам европейской и русской культуры представителей местного образованного общества. В омскую каторгу Ф.М. Достоевский увёз, как известно, Евангелие с запрятанной в переплёт двадцатипятирублевой, – помощь при крайних обстоятельствах. Наряду с образованным офицерством, духовенством, чиновничеством поколения каторжан и ссыльнопоселенцев (разумеется, в той их части, которая была приобщена к образованию и в суровых испытаниях не утратила культурных интересов) несли светочи знания и духовного опыта в разные уголки огромного евразийского пространства.

Следует выделить отдельно культур-треггерские усилия ссыльных поляков и служилого чиновничества, создававшие очаги католической культуры. Архитектура католического собора в Красноярске, построенного ими, поражает своей одухотворенностью и вполне сопоставима по эстетико-религиозным достоинствам с костелом Св. Анны в Вильнюсе (который Наполеон «хотел бы перенести в Париж»).

С совершенствованием техники пароходного судоходства, завершением Транссиба и связанных с ним железнодорожных путей продвижение на восток русской культуры вообще, ориентированной на православие художественной литературы в частности стало повседневным делом. Параллельно технические новинки Западной Европы, а затем и молодых США, способствовали развитию индустрии в ряде промышленных центров европейской, а затем и азиатской России. Не могли избежать этого и крупные порты Российской империи.

Иной путь христианизации прошла Япония. Активность европейских торговцев и миссионеров, не имевших опыта тактичного общения с местным населением и учета его своеобразных обычаев, страх перед вооружённой морской силой, привели к середине 17 в. к тому, что установление власти сёгуната Токугавы сопровождалось последовательной самоизоляцией от европейского христианского мира. Не только проповедь, но и исповедание христианства были запрещены правительством, предельно свернуты всякие контакты, включая и торговые связи. Только голландским торговым кораблям, успешно освоившим акваторию Индонезийских островов, было разрешено заходить в японские порты. Процесс самоизоляции продолжался, как известно, до 1868 г., когда в результате государственного переворота было восстановлено право императора на абсолютную власть (клан Токугава оставлял микадо лишь государственно-церемониальные и религиозные функции). Осознание японской элитой военно-технической отсталости страны привело к стремительному расширению военно-технического сотрудничества Японии с европейскими государствами. Тысячи японских специалистов были отправлены государством в западные страны. В результате европеец перестал восприниматься элитой лишь как чужой и враг. Знание его обычаев и традиций способствовало разрешению европейским миссионерам (католическим, протестантским, а также православным) открывать свои миссии. В их числе наиболее известна миссия архиепископа Николая Японского (Касаткина). Открытие этих миссий вовсе не означало страстного желания большинства японцев сменить синтоистские верования и почитание Будды на поклонение Христу. Но, как и всюду, с процессом модернизации в их среде

появлялись искатели нового духовного опыта, «религиозные туристы», двоеверы и троюверы, а также агенты правительства, осуществляющие наблюдение за поведением иностранцев, внедрение в их вреду осведомителей и другую полицейско-разведывательную деятельность.

Портсмутский договор, заключённый между Россией и Японией при посредничестве США, создал основу для поддержания между двумя ранее воевавшими странами определённого уровня восстановления отношений. В частности, в городе Чемульпо (полуостров Корея) находилось кладбище членов экипажа крейсера «Варяг», павших в морском бою с японской эскадрой. Японское правительство не только содействовало отправке их тел в Россию для перезахоронения на родной земле, но и открыло в этом портовом городе музей, посвященный памяти героев. Его назначение – продемонстрировать мужество и стойкость как качества, вызывающие уважение любого моряка и солдата. В том числе, и японского.

С поражением Японии во Второй мировой войне американская администрация и японское правительство, активно сотрудничавшее с США, разрешило создание на территории Японии самых разнообразных христианских миссий. В первую очередь, конфессий и деноминаций, представленных в США. Аналогичный процесс имел место в Республике Корея (Южная Корея), развернувшей, как и Япония, технологическую, научную и образовательную модернизацию активно использовались и продолжали использоваться достижения США и западноевропейских стран. Христианские организации выступают в этих условиях одним из необходимых и значимых каналов общения между производителями научных и культурных продуктов и теми, кто активно импортирует их или участвует в кооперационных предприятиях в роли младших партнеров.

Сложнее обстояло дело с христианством в Китае. Квантунская Восточная железная дорога, построенная царским правительством на территории Китая, обслуживалась российской администрацией и использовала наёмных рабочих и технических специалистов преимущественно российского происхождения и православного вероисповедания. После революции 1917 г. и наплыва в зону КВЖД эмигрантов из России возникли уникальные культурные русские анклавы. Однако продажа железной дороги со всем её оборудованием советским правительством японскому, как следствие конфликтов, спровоцированных японской военщиной и китайскими белобандитами, привела к размыванию их структур. Часть русского населения была репатриирована в СССР и подвергнута репрессиям, а другая либо перебралась в другие страны, либо осталась на территории Китая. Православные верующие составляют ныне незначительное меньшинство населения КНР. Русские общины, проживающие неподалеку от российско-китайской границы в последние годы были объектом религиозных исследований российских учёных, проводимых под руководством профессора А.П. Забияко [Забияко, 2015].

Подведём итоги. Благодаря государственной политике христианизации населения присоединяемых к России территорий православное христианство и достижения европейской культуры транслировались в среде иноверцев и неофитов. Государственная экспансия и мирное освоение новых территорий постоянно требовали все большее число переводчиков, благодаря деятельности которых обеспечивалось взаимодействие культур, гетерогенных по своему содержанию. Техническая модернизация и обеспечение современных форм образования шли на российский восток с российского запада, и православие играло определенную роль в приобщении к этим ценностям части местного населения. Сходные процессы имели место в ходе модернизации производства и военного дела восточных держав, где политика дозировано открытых дверей способствовала освоению специализированных достижений техники и элементарной культуры, обеспечивавшей ее правильное и более-менее долговременное использование. Владение языками стран, где христианство являлось доминировавшей религией, определяло устойчивые успехи политики модернизации. Что же касается основной массы населения, являвшейся в 20 в. и остающейся с настоящее время крестьянской (за исключением Японии), то освоение европейской культуры было возможно путем преодоления множества ограничений. Одним из самых эффективных из них были религиозно-национальные традиции, обособлявшие местное население от иностранцев-иноверцев.

Библиографический список

1. Арзуманов, И.А. Глобализационные аспекты этноконфессиональной политики стран северо-восточной Азии XX – начала XXI вв. / И.А. Арзуманов // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – № 1. – С. 43–55.
2. Бернюкевич, Т.В. Внешнеполитические факторы рецепции буддийских идей в России в конце XIX – начале XX вв. / Т.В. Бернюкевич // Концепт: философия, религия, культура. – 2017. – № 2. – С. 54–63.
3. Бернюкевич, Т.В. Рецепция буддизма в России и вопросы становления российской культуры / Т.В. Бернюкевич // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. – 2016. – Т. 11. – № 3. – С. 56–61.
4. Брюн, С.П. Ромеи и франки в Антиохии, Сирии и Киликии XI–XIII вв. К истории соприкосновения латинских и византийских христиан на рубежах Востока / С.П. Брюн. – М.: ООО «ИПЦ «Маска»», 2015. – 638 с.
5. Глаголев, В.С. Характер и подвиг святителя / В.С. Глаголев // Тальцы. науч.-попул. иллюстрирован. журн. / Архитектурно-этногр. музей «Тальцы». – Иркутск – 1999. – № 1. – С. 36–40.
6. Дружинин, А.Г. Современная Евразия: эволюция геоконцепта в меняющихся геополитических и геоэкономических реалиях / А.Г. Дружинин // Научная мысль Кавказа. – 2017. – № 2. – С. 5–12.
7. Забияко, А.П. Наскальные изображения Северо-Восточного Китая / А.П. Забияко, Ван Цзяньлинь. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2015. – 310 с.
8. Лагутина, М.Л. Эволюция понятия «Евразия» в современном гуманитарном знании / М.Л. Лагутина, И.А. Темнышев // Современные евразийские исследования. – 2016. – № 1. – С. 17–25.
9. Силантьева, М.В. Гуманитарный аспект проблемы самоопределения России: между обществом потребления и национальной самобытностью / М.В. Силантьева // Гуманитарный вектор. – 2008. – № 1. – С. 84–88.
10. Силантьева, М.В. Коммуникация как способ трансляции интенционального опыта локальных культур / М.В. Силантьева // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2016. – Т. 5. – № 4. – С. 49–55.
11. Фомина, М.Н. Размышление о транскультурном пространстве как рефлексии глобализирующейся культуры / М.Н. Фомина, О.А. Борисенко // Концепт: философия, религия, культура. – 2018. – № 1 (5). – С. 105–113.
12. Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / А. Эткинд. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 448 с.
13. Яблоков, И.Н. Религиозное сознание: специфика, уровни, репрезентации / И.Н. Яблоков // Вопросы философии. – 2018. – № 2. – С. 46–55.
14. Яблоков, И.Н. Стабильность и изменения общества: социолого-религиоведческое видение / И.Н. Яблоков // Религиоведение. – 2016. – Т. 2. – С. 103–111.
15. Gleason A. Eurasia: What is it? Is it? / A. Gleason // Journal of Eurasian Studies. – 2010. – Т. 1. – № 1. – P. 26–32.
16. Hann C. et al. A concept of Eurasia [Электронный ресурс] / C. Hann // Current Anthropology. – 2016. – Т. 57. – № 1. – URL: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/684625> (дата обращения 08.04.2018).
17. Hoffmann E. Eurasia between cultural studies and marketing / E. Hoffman // Journal of Eurasian Studies. – 2010. – Т. 1. – № 2. – P. 119–126.
18. Murray, V. A framework for a Eurasian religionbased social marketing campaign in opposition to human trafficking / V. Murray, S. Dingman, J. Porter // European Scientific Journal, ESJ. – 2016. – Т. 11. – № 10. – P. 1–14.
19. Smith J. The Myth of Eurasia – a Mess of Regions [Электронный ресурс] / J. Smith, P. Richardson. – 2017. – URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/08865655.2016.1266276> (дата обращения 07.04.2018).
20. Tsygankov, A.P. The heartland no more: Russia’s weakness and Eurasia’s meltdown / A.P. Tsygankov // Journal of Eurasian Studies. – 2012. – Т. 3. – № 1. – P. 1–9.

Текст поступил в редакцию 10.05.2018.

References

1. Arzumanov I.A. *Koncept: filosofija, religija, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture]. Moscow, 2017, no. 1, p. 43–55 (in Russian).
2. Bernjukevich T.V. *Koncept: filosofija, religija, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture]. Moscow, 2017, no. 2, p. 54–63 (in Russian).
3. Bernjukevich T.V. *Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Sociologicheskie nauki* [Scientific notes of Transbaikalian State University. Series: Sociological sciences]. Chita, 2016, no. 3, p. 56–61 (in Russian).
4. Brjun S.P. *Romei i franki v Antiohii, Sirii i Kilikii XI-XIII vv. K istorii soprikosnovenija latinskih i vizantijskih hristijan na rubezhah Vostoka* [Romans and Franks in Antioch, Syria and Cilicia of the 11th–13th centuries. To the history of contact between Latin and Byzantine Christians on the borders of the East]. Moscow: OOO «IPTs "Maska"», 2015, 638 p. (in Russian).
5. Glagolev V.S. Tal'cy [Taltsy]. Irkutsk, 1999, no. 1, p. 36–40 (in Russian).
6. Druzhinin A.G. *Nauchnaja mysl' Kavkaza* [Scientific thought of the Caucasus]. Rostov-na-Donu, 2017, no 2, p. 5–12 (in Russian).
7. Zabyako A.P., Wang Jianlin. *Naskal'nye izobrazhenija Severo-Vostochnogo Kitaja* [Rock Art of Northeast China]. Blagoveshchensk: Amurskij gosudarstvennyj universitet, 2015, 310 p. (in Russian).
8. Lagutina M.L., Temnyshev I.A. *Sovremennye evrazijskie issledovanija* [Contemporary Eurasian Studies]. Saratov, 2016, no. 1, pp. 17–25 (in Russian).
9. Silant'eva M.V. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian vector]. Chita, 2008, no. 1, p. 84–88 (in Russian).
10. Silant'eva M.V. *Nauchnye issledovanija i razrabotki. Sovremennaja komunikativistika* [Scientific research and development. Contemporary communicativistics]. Moscow, 2016, no. 4, p. 49–55 (in Russian).
11. Fomina M.N., Borisenko O.A. *Koncept: filosofija, religija, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture]. Moscow, 2018, no. 1 (5), p. 105–113 (in Russian).
12. Etkind A. *Vnutrennjaja kolonizacija. Imperskij opyt Rossii* [Inner colonization. The Imperial Experience of Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 448 p. (in Russian).
13. Yablokov I.N. *Voprosy filosofii* [Russian studies in of philosophy]. 2018, no. 2, p. 46–55 (in Russian).
14. Yablokov I.N. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2016, no. 2, p. 103–111 (in Russian).
15. Gleason A. Eurasia: What is it? Is it? *Journal of Eurasian Studies*. 2010, vol. 1, no. 1, pp. 26–32.
16. Hann C. et al. *A concept of Eurasia in Current Anthropology*. 2016, vol. 57, no. 1. Available at: <https://www.journals.uchicago.edu/doi/full/10.1086/684625>.
17. Hoffmann E. Eurasia between cultural studies and marketing. *Journal of Eurasian Studies*. 2010, vol. 1, no. 2, pp. 119–126.
18. Murray V., Dingman S., Porter J. A framework for a Eurasian religionbased social marketing campaign in opposition to human trafficking. *European Scientific Journal, ESJ*. 2016, vol. 11, no. 10, pp. 1–14.
19. Smith J., Richardson P. *The Myth of Eurasia – a Mess of Regions*, 2017. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/08865655.2016.1266276>.
20. Tsygankov, A.P. The heartland no more: Russia's weakness and Eurasia's meltdown. *Journal of Eurasian Studies*. 2012, vol. 3, no. 1, pp. 1–9.